

Зимин Сергей

Геракл

18+

Зимин Сергей Геракл

<https://litres.ru/73187722>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если вдруг оказываешься в теле младенца с двумя дохлыми змеями, зажатыми в кулаках? Ответ прост и очевиден - преодолевать и прогрессорствовать. Ведь я не кто-то там, а целый ГЕРАКЛ! А, учитывая наличие братюни, берегись, Эллада, мы идём!

Содержание

Глава 1 Я родился	4
Глава 2 Если хочешь быть здоров...	25
Глава 3 Маленьких обижают!	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Зимин Сергей

Геракл

Глава 1 Я родился

Я открыл глаза и непонимающим взглядом обвёл помещение. Сознание было ясным, мысли — отчётливыми, но картина передо мной не складывалась в ничего логичного и знакомого. Я чётко осознавал, что до того, как я глаза закрыл, я находился где-то в другом месте. Совсем в другом. Там было светло. Яркий, ровный свет, льющийся с потолка. Было мягко и удобно — я лежал на чём-то пружинящем, утопающем в комфорте. Запах... да, там пахло кофе, свежей краской после недавнего ремонта и лёгкой пылью с улицы, смешанной с ароматом сирени из открытого окна.

А здесь... Здесь было темно, душно и пахло совсем иначе. Пахло землёй, влажной глиной, дымом и чем-то кисловатым, животным. Не отвратительно, но чуждо. Знакомое ощущение дезориентации после глубокого сна в незнакомой комнате накрыло с десятикратной силой. Только это был не сон. И не комната. Точнее, комната, но какая-то первобытная.

Логика, холодная и беспристрастная, настойчиво шептала: ты был там, а теперь ты здесь. Между «там» и «здесь» — пропасть. И скрепившей её точкой было только одно дей-

ствие — закрытие глаз. Эмоции, отложенные на мгновение мозгом для анализа, рванули наружу лавиной. Удивление, переходящее в лёгкую панику, непонимание и дикий протест против этой глиняной, дымной реальности требовали выхода. Я открыл рот, чтобы выразить весь этот коктейль максимально ёмко, тем словом, которое в моём прежнем мире ставило точку в любых спорах и точно описывало абсурд происходящего.

Но мои голосовые связки, гортань, язык — весь речевой аппарат — оказались иными, непослушными, незрелыми. Мысль, родившаяся в сознании взрослого человека, была искажена до неузнаваемости физиологией младенческого тела.

И моя первая фраза в этом новом мире прозвучало так:
— Дё дя гу ня?

Звуки были гулкими, немного захлёбывающимися. Я услышал их своими ушами и... внутренне содрогнулся. Да, вокруг явно творилась эта самая «гу ня». Полнейшая, абсолютная, беспросветная. Это ёмкое определение идеально подходило к окружающей обстановке, к моим ощущениям, ко всему, что успел зафиксировать мой взгляд. Какое ещё могло быть слово?

Не желая мириться с этой «гу нёй», я снова зажмурил глаза. Крепко-крепко, изо всех сил, так что перед веками поплыли цветные пятна и искры. Суеверная логика требовала: если ты не видишь этого мира, значит, его и нет. Если отвернуться от кошмара, он растворится. Так исчезают монстры в

темноте, если натянуть одеяло на голову.

Я цеплялся за смутный, ускользающий образ «того» места. За вспышку света за веками, за ощущение правильного масштаба, за призрачное обещание комфорта, которое уже не мог вспомнить детально, но жаждал всем существом. «Просто исчезни, — мысленно приказывал я этой глиняной клетке. — Я закрою глаза, сосчитаю до десяти, а когда открою — всё будет как было. Всё будет правильно».

Для верности, чтобы стряхнуть с сознания липкую паутину этого наваждения, я старательно потряс головой. Ощущение твёрдого, чуть колючего под шерстью ложа подо мной никуда не делось. Запах дыма и остывшего жира всё так же висел в воздухе.

Наступил момент истины. Стратегия страуса должна была либо сработать, либо окончательно разбить последние надежды. Я не стал открывать глаза сразу. Вместо этого я, медленно и с величайшей осторожностью, как сапёр, проверяющий мину, приоткрыл лишь один глаз. Правый. Левая половина мира оставалась в спасительной, отрицающей реальность тьме.

Через узкую щель ресниц в сознание хлынул тот же сумрак. Тот же косой луч пыльного света из отверстия под потолком. Те же грубые силуэты лавок вдоль стены. Всё было на своих местах. Не сдвинулось ни на миллиметр. Тяжёлое, плотное разочарование, горькое и безвозвратное, накатило на меня. Волшебство не сработало. Закон «зажмурился —

исчезло» в этом мире не действовал.

Реальность была упряма. Она никуда не делась. Она ждала. Объективная реальность, данная нам в ощущениях, неумолимая ты самка собаки!

Я с безнадежным видом открыл и правый глаз. Картина от этого ничуть не изменилась, как и от предыдущего зажмуривания. Я, по-прежнему, видел перед собой две руки. Две мои руки, судя по тому, что они росли из моих плеч. Две мои пухлые детские руки. Слово «пухлые» повисло в сознании, холодное и чужеродное. Я смотрел на эти короткие пальцы с ямочками на костяшках, на мягкие, округлые запястья, на ладони, которые казались слишком маленькими, чтобы что-либо удержать. Это был не просто взгляд — это была перепроверка, сканирование каждой детали, как будто от точности осмотра зависела сама реальность. Но факт оставался фактом: пропорции были искажены. Все было слишком... компактно.

И каждая из этих маленьких, неправдоподобно пухлых рук сжимала в кулачке по змее.

Моё восприятие сузилось до этих двух точек контакта. Длинные, гибкие тела с пёстрой, тусклой чешуёй обвивались вокруг запястий, будто живые браслеты. Но это была пародия на жизнь. Головы с прищуренными, плёнчатыми глазами безвольно свисали, шеи были вывернуты под невозможным, резким углом. Хребты сломаны. Змеи были не просто задушены, а именно что их шеи были переломаны. Я знал

это с той же уверенностью, с какой знал теперь о пухлости своих рук. Это было знание, впечатанное в мышцы предплечий, в память сухожилий, которые всё ещё были напряжены до дрожи.

В голове, холодной и ясной от шока, застучали вопросы, отскакивая друг от друга, как град по железу. С какой силой надо сжать? Какое давление, какое усилие нужно приложить к гибкому позвоночнику гада, чтобы не просто обездвижить, а переломить его? Инженерная часть моего прошлого ума пыталась подсчитать напряжение, прочность на излом, площадь захвата... и давала сбой. Эти расчёты не сходились с тем, что я видел. Мягкая детская плоть, неразвитые мышцы — они не могли быть источником такой силы. Это был факт. Абсурдный, нарушающий все законы, но факт.

Так, подождите. Пауза. Стоп-кадр.

Мыслительная машина, мчавшаяся по наклонной, вдруг наткнулась на простой, фундаментальный вопрос, который перечёркивал все предыдущие. Вопрос не о змеях, не о силе. Вопрос о базовых условиях.

А почему, собственно, у меня детские ручки?

Ледяная волна, от которой похолодело всё внутри, прокатилась от темени до копчика. Не эмоция — физиологическая реакция на катастрофу. Все обрывки данных, которые я до этого отчаянно игнорировал, внезапно сложились в единую, безупречную и чудовищную картину. Низкий, нависающий потолок, который теперь казался не просто низким, а огром-

ным. Грубые лавки, бывшие не лавками, а горами древесины. Искажённый, неконтролируемый звук моего собственного голоса, который я слышал минуту назад. Сам масштаб всего вокруг. Он был не «таким», он был «другим». Потому что изменился не мир. Изменился я.

Я был маленьким.

В голове что-то щёлкнуло — тихо, но окончательно. Последний предохранитель. Мир не просто перевернулся. Он был выброшен за борт, а на его место водрузили этот — глиняный, дымный и абсолютно, бесповоротно чужой.

Тихий звук, полный чистого, неразбавленного изумления и первого проблеска осознания, сорвался с моих губ. Слова, как и прежде, вышли искажёнными, сплюсненными незрелой артикуляцией, но теперь они несли не ругательство, а конкретный, адресованный вселенной вопрос:

— Я что, попал?

Тихий вопрос «Я дё бо ба?», прозвучавший в гробовой тишине комнаты, повис в воздухе, не получив ответа. Раз уж волшебство не сработало, а руки упрямо твердили свою немую правду, нужно было действовать. Пассивность в условиях информационного голода была худшей стратегией.

Я оглядел окружающую обстановку с новой, методичной тщательностью. Комната не просто была тесной и полутёмной — теперь я видел её детали.

Стены. Обмазаны глиной. Но обмазано не тяп-ляп, не грубыми комьями, а ровным, выверенным слоем. Рука мастера.

Значит, моя новая семья не из самых бедных. Уже неплохо. Стартовый бонус — вещь очень полезная, хотя и сильно недооцениваемая в моей прежней жизни. Помнится, там, люди реально думали про старт из гаража на примере воротил бизнеса. «Ну, у него же получилось!» — убеждали они окружающих, — «Он ещё и колледж бросил». Вот, только, у этого самого легендарного «него» был тот самый стартовый бонус в виде богатых родителей. И гараж его был в частном доме, а не в промзоне. И бросил он Гарвард или Оксфорд, а не Заборостроительный колледж в Нижних Запупенках. Ладно, отвлеклись, смотрим дальше.

Мебели немного. Лавки вдоль стен. Дерево тёмное, почти чёрное от времени и рук. Никакого лака, никакой резьбы — просто обработанные и отполированные до блеска задницами за много лет использования. Значит, либо технический уровень общества невысок, либо мы всё же не на вершине пищевой цепочки. Но шкуры... Лавки и пол были покрыты шкурами. Не одной, не двумя. Они лежали повсюду, грубоватые, с вьющейся, свалявшейся шерстью. Я, конечно, ветеринар не настоящий, но это, похоже, овчина. Так что, отставить панику, семья, явно, состоятельная, если может позволить себе столько овец перевести на одеяла. Значит, отара. Скот — богатство. Так что, я богат!

Свет проистекал из двух источников. Во-первых, маленькое квадратное отверстие под самым потолком. Без стёкол, без ставень — просто дыра в стене. Во-вторых, глиняные

плошки с тёмным, густым маслом и плавающим в нём фитилем. Они стояли на грубых деревянных полках, вбитых в стену, и коптили низкие стропила чёрными, бархатистыми хлопьями сажи. Стропила. Я видел стропила. Балки, на которые, видимо, уложена кровля. Значит, чердака, утепляющего пространство над головой, нет. Климат, скорее всего, тёплый. Средиземноморский? Италия? Греция? Средняя Азия? Мысль кольнула, но я отогнал её, собирая факты.

Запахи. К едкому запаху палёного масла от светильников примешивались другие, идущие, судя по всему, из-за низкой двери в дальнем углу: чеснок, что-то пряное, вроде чабреца или орегано, и запах жареного, точнее, тушёного мяса с лёгким привкусом гари. Кухня. Значит, я где-то в жилой части, не в хлеву.

Картина складывалась, но не хватало ключевых фрагментов пазла. Я сидел голым задом на ещё одной шкуре — мягкой, тёплой, мехом внутрь. И я был не один. Рядом, разметавшись и пуская тонкую струйку слюны на свою часть шкуры, дрых другой голый карапуз. Мальчик. Темноволосый, с чёрными кудряшками, такими же пухлыми щеками. Я перевёл взгляд со своих рук, всё ещё чувствуя в них призрачное напряжение от змей, на его. Размер — один в один. Похоже, брат. Возможно, близнец.

На всякий случай, движимый новой волной странного, отстранённого любопытства, я скосил глаза вниз, на себя. И... медленно выдохнул. Я тоже мальчик. По крайней мере, ба-

зовая идентичность совпадала. Гора с плеч — смешная, иррациональная в данной ситуации, но тем не менее.

А это ещё что? На внутренней стороне бедра моей левой ноги, прямо на нежной, бледной коже, виднелись две маленькие, аккуратные ранки. Две точки, как от тонких игл, но с лёгким синячком вокруг. По ширине — как раз по габариту змеиной морды. Я машинально развернул правую ногу. На икре — ещё две такие же отметины. Укусы. Два. Значит, это тело... получило дозу яда. Этим, вероятно, объяснялась та самая судорога, не дававшая разжать кулаки. И, возможно, кое-что ещё. Мысль оформилась холодно и чётко: я, по всей видимости, ничью душу не выселил и не поглотил. Я занял уже пустую оболочку. Моральная дилемма, если она и была, отпадала. Мелочь, а приятно.

Наша импровизированная постель была огорожена от остального пространства. Я поднял взгляд выше. По периметру стояли, прислонённые друг к другу, шесть больших круглых щитов. Сделаны из дерева, обтянуты грубо выделанной кожей, по краям — бронзовая оковка. Ещё одно подтверждение тому, что семья не из бедных. Точка. Если в доме есть шесть боевых щитов, просто чтобы отгородить детский угол, значит, речь не о простых землепашцах.

И тут, как щелчок выключателя, в голове всё сложилось. Легенды и мифы Древней Греции. Книга с толстой мелованной бумагой. Иллюстрация: пухлый младенец, сидящий на звериной шкуре, сжимает в руках двух змей, обвивших его

запястья. Рядом, раскрыв рот, ревёт его испуганный брат-близнец. Алкид. Змеи, подсланные Герой.

Картинка встала на место с ужасающей ясностью.

Интересно, Грузовик-сан, почему я тебя не помню?

Разгоняя тишину, по ушам резанул женский визг. Он был настолько пронзительным и полным чистого, неконтролируемого ужаса, что я физически вздрогнул, а мой брат на шкуре заворочался. Это была нянька. Она проснулась и увидела то, что не должна была видеть ни при каких обстоятельствах: доверенные ей младенцы и мёртвых змей в их руках. Её крик был сделан из паники, предчувствия ужасной кары и животного страха. «Ох и достанется же ей на орехи», — успела мелькнуть у меня сухая, сторонняя мысль, прежде чем визг перешёл в бессвязные вопли.

На этот звуковой сигнал бедствия ответили немедленно. Раздался тяжёлый, стремительный топот, грохот удара о дерево — и дверь в комнату, не выдержав напора, с треском распахнулась, отскочив от стены. В проёме, заслонив собой слабый свет из соседнего помещения, возникла фигура. Здоровенный, бородатый мужик. Он был практически гол — на нём была лишь набедренная повязка. Его тело, от плеч до колен, было высечено из мышц, покрытых рубцами и тёмными волосами. В правой руке он сжимал короткий, тяжёлый меч, лезвие которого отливало в свете светильников тусклым, красновато-жёлтым блеском. Бронза. «Амфитрион», — безошибочно щёлкнуло у меня в голове. Образ из книг и

мифов материализовался в виде этой дышащей силой и яростью реальности. «Отец Алкида и Ификла. Интересно, про Зевса правда, или потом уже придумали для солидности?»

Его глаза, дикие и быстрые, пронзили полумрак комнаты, просканировали щиты, углы, нас на шкуре. Он что-то рывкнул — низко, гулко, как разъярённый бык. Его голос был грубым и властным.

За его спиной, обогнав его на последнем шаге, в комнату впорхнула, словно испуганная лань, молодая женщина. Длинные тёмные волосы разметались по её плечам, лицо было бледным от ужаса, а широко раскрытые глаза ловили меня и брата, полные такой бездонной тревоги, что её почти можно было потрогать. «Алкмена. Его жена. И, по совместительству, наша мама», — сделал я мгновенный логический вывод.

И тут началась какофония. Амфитрион продолжал рычать что-то, обращая то к няньке, то к невидимым угрозам в тени, размахивая мечом. Алкмена вскрикивала, её слова лились быстрым, высоким, певучим потоком, в котором сквозь панику пробивались оттенки укора, вопроса, безмолвной мольбы. Нянька, рыдая и заламывая руки, захлёбывалась оправданиями, её голос дрожал и срывался на тот же животный визг.

И я — я не понимал ни единого слова. Ни одного. Звук, крики, интонации сливались в абсолютно бессмысленный, хотя и эмоционально насыщенный шум. Я вслушивал-

ся, пытаюсь уловить знакомые корни, созвучия, но тщетно. Язык был наглухо чужим. То ли в мозгу реципиента не осталось никаких следов знаний языка, то ли этих знаний там и не было вовсе — Ификл был ещё слишком мал, чтобы говорить.

«Печально», — подумалось мне с горькой иронией, пока вокруг бушевала буря из незнакомых звуков. — «Придётся учить эллинский с нуля. Методом глубокого погружения. Только без Илоны Давыдовой».

Тяги к изучению языков вообще и греческого в частности, насколько я помнил, у меня никогда не было. Не подумайте, что я фанат мифов Древней Греции. Нет, не буду отрицать, почитывал, как и все дети в Союзе, адаптированные, конечно, да и мультики по ним были занятные. Особенно те, которые «для взрослых», была такая категория в отечественной мультипликации. Но, вот, Олдей сильно уважал и их героя, который должен быть один, читал неоднократно. Правда, никогда не думал, что со мной произойдет вот такое.

Кстати, а чего это я такой спокойный? Мысль прозвучала у меня внутри отстранённо, будто я наблюдал за собой со стороны. Если отбросить все предположения и фантазии, передо мной лежал простой, чудовищный факт: я помер. Там, в том светлом месте с запахом кофе и сирени, моя жизнь закончилась. Я должен был испытывать ужас, панику, горечь утраты, протест. Я должен был метаться в границах этого детского черепа, отчаянно цепляясь за призраки прошлого.

А вместо этого во мне царил странная, кристальная ясность. Я воспринимал всё — визг няньки, рёв Амфитриона, трепетные руки Алкмены, холодок бронзового меча в воздухе — с чёткостью высококачественной записи. Эмоции были, но они словно проходили через фильтр, через толстое стекло. Я анализировал их, а не тонул в них.

Мой собственный покой перед лицом собственной смерти пугал меня больше, чем сама смерть. И тогда я попытался найти рациональное зерно. Во-первых, шок. Глубокий, всепоглощающий психологический шок от смены реальности. Организм, чтобы не разорваться на части, включает режим холодного наблюдения. Отсюда эта чёткость и отстранённость. Во-вторых, адреналин. Который, судя по всему, всё ещё гулял по этой маленькой кровеносной системе. Ведь это тело только что совершило нечто невозможное — задушило двух змей. Оно боролось за жизнь, оно выжило. Гормоны, мобилизующие на борьбу, ещё не успели утихнуть, они гасили панику и притупляли страх.

И в-третьих, самое главное, — я был теперь маленьким. Младенцем. Во всей этой ситуации был один неоспоримый и, как ни странно, утешительный плюс: мне можно. Мне можно не держать лицо. Мне можно не собирать волю в кулак. Мне можно быть иррациональным, слабым, испуганным. Общество — это древнегреческое общество вокруг меня — не ждёт от меня мужества, стоицизма или философского принятия судьбы. От младенца ждут только одного:

чтобы он жил, рос и... ревел, когда страшно.

Это осознание стало ключом, отпустившим последний зажим. Я не должен был играть роль взрослого в теле ребёнка. Я мог просто быть этим ребёнком. Моё странное спокойствие было аномалией, которую следовало исправить, чтобы не вызывать подозрений. Мне нужна была легальная, социально одобренная отдушина для всей накопленной чудовищности происходящего.

И с чистой совестью, с почти что облегчением, я отдался на волю инстинктов этого тела. Я перестал сдерживать тот клубок непонятных ощущений, что клокотал где-то в глубине грудной клетки. Я разреvelся. Не просто заплакал — а именно разреvelся, громко, надрывно, заливисто, на всю мощь неразвитых ещё лёгких.

Я размазывал слёзы, сопли и слюни по своей пухлой физиономии кулачками, которые всё ещё не могли разжаться и сохраняли странное, скрюченное положение. Мои собственные звуки оглушали меня, сливаясь с общим хаосом, становясь его частью. Это был идеальный, безупречный детский плач — полное отсутствие контроля, абсолютная капитуляция перед миром, который оказался слишком большим, слишком громким и слишком непонятным. Я не просто притворялся — я позволил этому телу сделать то, что оно должно было делать. И в этом потоке звука и ощущений была своя, странная свобода.

Мой громкий, искренний плач стал спусковым крючком.

Второй младенец, разбуженный первоначальным визгом и грохотом, но до сих пор пребывавший в сонном оцепенении, увидел моё искажённое гримасой лицо, услышал рёв и мгновенно, не задумываясь, присоединился к концерту. Его плач был другим — более обиженным, капризным, с ноткой недоумения. Он, тыкая пухлым пальчиком в мою сторону, ревел, по-видимому, оттого, что у меня было два замечательных пёстрых «шнурка», а у него — ни одного. Его детский ум ясно фиксировал несправедливость распределения «игрушек».

Впрочем, его интерес к происходящему оказался удивительно гибким и практичным. Заметив, что одна из змей, в процессе моей истерики размоталась с предплечья и висит верёвкой, он вдруг смолк на полвздоха. Любопытство победило испуг. С деловым видом, всхлипывая уже скорее по инерции, он потянулся к длинному, пёстрому хвосту твари и начал старательно, с сосредоточенным видом, обматывать её вокруг моей ноги, как будто пытался завязать ленту или прикрепить необычную погремушку.

Это действие, такое невинное и чудовищное одновременно, видимо, стало последней каплей для нервов взрослых. Крики и взаимные упрёки между Амфитрионом, Алкменой и нянькой тут же прекратились, сменившись единым порывом. Теперь они были не враждующими сторонами, а спасателями у разбитого корыта.

Женщины кинулись к нам первыми. Сильные, но на удив-

ление бережные руки подхватили меня. Запах страха, пота и шерсти от их одежд смешался с другими ароматами комнаты. Змей у меня отобрали быстро, решительно и с явным, почти физическим облегчением. Кто-то отшвырнул их в угол с отвращением. «Эх, трофей», — мелькнула у меня дурацкая, запоздалая мысль сквозь рев.

Но главным было другое. Те же самые руки — тёплые, шершавые от работы, но нежные сейчас — принялись осторожно, но настойчиво разминать мои пальцы. Кулачки, сведённые остаточной судорогой, всё ещё были сжаты, будто продолжая душить невидимых гадов. Сухожилия ныли, мышцы предплечья дрожали от напряжения. Мне массировали ладони, по одному разгибали каждый палец, мягко, но не останавливаясь. Было немного больно, но это была «правильная» боль — боль освобождения, возвращения контроля. И, что удивительно, ничего при этом не хрустнуло и не сломалось. Какой-никакой, а плюс в этой сумбурной вечеринке.

Пока со мной возились, другая женщина, видимо, та самая нянька-кормилица, успокаивала второго младенца, отвлекая его от змеиного хвоста и укачивая на руках. Затем настала очередь практических действий. Нас обоих быстренько, с привычной ловкостью закутали в грубоватые, но мягкие и чистые льняные пелёнки. Пеленание было тугим, успокаивающим, оно возвращало ощущение границ и безопасности, которых так не хватало в этом хаосе.

И затем... ко мне поднесли источник тепла, сытости и глубокого, почти животного успокоения. Сиську. Полную, тёплую, пахнущую молоком и кожей. Очевидно, няньки в этом доме выполняли и функции кормилиц. «Эх, когда ещё я до сиськи теперь доберусь в этой новой жизни, — с философской покорностью подумал я, переставая реветь и начиная посапывать, — надо пользоваться моментом». Инстинкты тела взяли верх над остатками аналитического ума. Я взял грудь и начал сосать, ощущая, как тепло разливается по телу, прогоняя последние остатки ледящего страха. Хорошо, хоть руки не замотали в пелёнки, оставили снаружи. Хоть полапать можно. Подрасту, ведь потом долго не дадут.

Стоя над заснувшими детьми, укутанными льняной тканью и безмятежностью полного истощения, Амфитрион исподлобья посмотрел на истоптанный пол, где ещё лежали два пестрых, безжизненных шнура.

— Эти змеи дают человеку вздохнуть, а выдыхает он уже на берегу Стикса. Он, как железные тиски, сжимает все мышцы разом. Горло, грудь, живот... Человек в полном сознании, но не может вдохнуть. Задыхается, глядя в небо, и шевелить пальцем не в силах. — Амфитрион с силой сжал свой кулак, и сухожилия на его руке выступили, как канаты. — Хвала уж не знаю кому что у нашего мальчишки получилось их так удачно схватить. За горло. С первого раза. До того, как его укусили.

Он наконец перевёл тяжёлый взгляд на Алкмену, стояв-

шую рядом, всё ещё бледную, но уже не дрожащую.

— Не уверен, — признался он с редкой для него откровенностью, — что смог бы сделать так же.

Алкмена не ответила сразу. Она провела рукой по его напряжённой спине, и под её ладонью мышцы чуть дрогнули.

— Надо принести благодарственную жертву, — прошептала она наконец, и её шёпот был похож на шелест священных листьев в святилище. — Зевсу. И Гере... — она помедлила, что-то прикидывая, а, потом, решительно закончила, — И Гермесу.

Амфитрион нахмурил свои густые брови, повернув к ней голову.

— А Гермесу-то за что? За то, что он, хитрец и вор.

— За ловкость, — тихо, но непреклонно пояснила Алкмена. — Да и, вообще, лишним не будет.

— Это да, — задумчиво согласился Амфитрион, — лишним не будет. Клянусь ляжками Клио!

Раздался звук подзатыльника.

Амфитрион, вместо ответа, резко обернулся и в одно движение обхватил её за талию, притянув к себе. Его борода, колючая и пахнувшая вином и потом, прижалась к её щеке.

— Но быть между твоими мне нравятся больше, — прошептал он губами у самого её уха, и его рука скользнула ниже, крепко и без обиняков запуская руку жене между ног.

Алкмена не вырвалась. Она лишь тихо ахнула, а потом, уже вполголоса, засмеялась — низко, счастливо и немного

смущённо.

Амфитрион похохатывая вышел из комнаты, а Алкмена склонилась над сладко спящими малышами,

— Дурак наш папка. Сатир похотливый! — довольно промурлыкала она, поправляя пелёнки, — Эдак у вас новый братик появится. Или сестрёнка. Чувствую, не выплусь я сегодня!

Так началась моя новая жизнь в далёком прошлом. И эта жизнь подкидывала мне всё новые сюрпризы. Начать, хотя бы, с того, что брательника звали не Ификлом, а Иолаем. А Ификлом звали вовсе даже меня. Сперва, я подвис на полдня, размышляя, а где же тогда Алкид, герой богоравный Геракл в будущем, но потом припомнил, что окончание «-ид», "-ад" и "-иад" у эллинов означало то же самое, что и «-ич» в русском. То есть, «потомок такого-то» или в более полной трактовке «входящий в род такого-то». Как все потомки Рюрика звались Рюриковичами. Так что, Алкид — это не столько личное имя, сколько «потомок Алкея». А Алкей Персеид, Алкей Хромой, сын великого Персея, как раз является моим дедом. Нашим с Ификлом дедом. Так что, Алкиды мы обои два, как сказали бы в моё время. Причём, Персеидами мы были и по папиной, и по маминой линии. Потому как Алкмена приходилась двоюродной сестрой Амфитриону. И с этой точки зрения припадки у Геракла прекрасно объяснялись близкородственной связью. Как говорится, инцест —

дело семейное.

Интересно, кто из нас двоих схлопотал этот дебаф? Кто припадочный, тот и Геракл, или есть варианты? Змей, всё-таки, я задушил. Ой, как не хочется-то получить кроме новой жизни ещё и свистящую флягу. Ну да поживем — увидим, доживём — узнаем, переживём — учтём.

Сразу отмечу про себя, что посленское знание, на которое так уповают все попаданцы, у меня оказалось крайне дырявым и выборочным. Я помнил общую канву мифов, но детали и последовательность событий были туманны. Зато обнаружился неожиданный, прямо-таки роскошный бонус: собственная память стала работать с пугающей чёткостью. Я мог, как с полки, снять воспоминание о прочитанной когда-то статье, эпизоде из фильма, схеме из учебника. Я видел шрифт, ощущал вес книги в руках. Это было удобно... и в то же время обескураживающе бесполезно в девяноста девяти случаях из ста. Вот зачем мне сейчас, в мире бронзы и глины, до мелочей помнить алгоритм Быстрого Преобразования Фурье? Или тонкости устройства полевого транзистора? Это знание висело в мозгу ярким, но абсолютно бессмысленным грузом.

О, а вот знакомство с книгой «как изобрести всё — создай цивилизацию с нуля» очень даже может пригодиться. Но между смутным воспоминанием о схеме примитивного динамо и его реальным воплощением лежала пропасть, имя которой — «мне ещё и года нет, и я не владею даже мест-

ным наречием». Ну а что вы хотите, граждане древние греки? Мне ещё предстоит долгий путь от беспомощного комочка до хотя бы внятного говорящего ребенка. Расти, расти и ещё раз расти.

Короче, жди Эллада, богоравный я подрастёт и покажет тебе Эвбееву мать! А пока что у меня лапки. Короткие, пухлые и совершенно не приспособленные ни к кузнечному делу, ни к тонкой настройке водяной мельницы. Пока моя основная и единственно верная задача — это расти большим и сильным, слушать маму с папой (вернее, учиться их понимать) и хорошо кушать сиську. Я же вам не Ахиллес какой-нибудь, в конце концов[1]. Ну и упражнять тело, пока никто не видит, маскируя это дело под игры.

О! Сиська! Как же хочется мяса с жареной картошечкой!

Комментарии:

[1] Ахиллес — переводится на русский как «Невскормленный». То есть, его не кормили грудью.

Глава 2 Если хочешь быть здоров...

Последние лучи Гелиоса, казалось, цеплялись за белую штукатурку стен, окрашивая двор в теплые, медовые тона. В воздухе висела ленивая муха и запах жареной ячменной лепешки от кухни. А я сидел на теплом от солнца камне у самой стены и пытался заставить свое тело сделать то, что разум считал элементарным.

«ИдОр», — четко и ясно прозвучало в моей голове. Вода. Простое, изящное слово. Я собрался с духом, сделал вдох и...
— Ыд-ды-дой...

Это было похоже не на речь, а на стон умирающего. Язык, неповоротливый и толстый, как кусок вареного мяса, уперся в небо, а потом бессильно шлепнулся вниз. Никакого внятного «ипсилон», только мычание. Губы отказывались складываться в нужную улыбку для звука «омега».

Я сглотнул, чувствуя привкус горького разочарования. Все было внутри. Я уже освоил мелодику этого диалекта, понимал грамматические конструкции, в голове вертелись целые фразы. Но стоило попробовать их извлечь наружу — и мой речевой аппарат устраивал бунт. Мозг, эта серая железа, отвечающая за миллионы нейронных связей, просто не справлялся с управлением. Не наработаны связи. Не отточе-

ны движения. Это было безумно досадно.

По-первости, я было подумал, что моё подселение нарушило какие-то связи в мозгу тела-реципиента и я теперь навсегда такой буду. Однако, меня успокоил мой братюня. Нам сейчас по полтора года, а в навыках речи и в ловкости он мне ничуть не уступает. Проще говоря, такой же говорливый и проворный, как и я. Если не споткнулся о свои ноги, то уже подвиг. И язык у него точно так же ведёт себя, как пьяный спартанец после симпозиона. Это они слово «оргия» еще не придумали и называют данное мероприятие просто «пир» — «симпозион». Я долго ржал, вспоминая старую миниатюру Ширвиндта и Державина: — «ну ты вчераааа, на симпози-ме!».

Так что, мы с Иолаем фыпиявим и пйифыпётываем на пару. Как будто мёд прямо из улья ели. Вместе с очень злыми пчёлами. Интересно, а ульи уже изобрели или ещё бортничают? А то, на этом деле ух как развернуться можно. Сахар-то делать не умеют, а сладенького человеки завсегда не дураки были отведасть.

Стараюсь бормотать скороговорки, когда никого нет рядом. Но, имея брата-близнеца, оказаться в одиночестве крайне проблематично. Вот и сейчас, только я начал про «ехал грека через реку», как Иолай, незаметно появившийся за спиной, поинтересовался «сё та гека?» Ну и как ему объяснить, если тут ещё нет ни понятия Греция, ни греков? Эллада есть, а вот эллинами ещё и не пахнет. Фиванцы есть, ми-

кенцы, афиняне, спартанцы, аргосцы. Куча всяких других. А единого народа нет. Перефразируя классика «под Троию пришли фиванцы, микенцы, афиняне, а ушли эллины». А вот фи́га там ушли. Там и полягут, герои богоравные, блин горелый. Как бы устроить так, чтобы не было тут Троянской войны? Хотя, она, вроде бы, уже после Геракла была. Или нет? Но он, то есть, я, самоубился же. Так что, если жить до старости, то есть шанс загреметь под Троию. Это тоже мне не слишком нравится.

Сиську нам уже не дают. Кормят жидкой кашей. Эх, как блинов-то хочется. Здесь их и не делают. Лепёшки пекут. Ячменные да просяные. А блинчиков, пшеничных, с варенье-цем клубничным... Так, слюни подбери, герой Эллады. Время превозмогать!

Если с речью дела обстояли плохо, то с координацией движений был просто сущий ад. Взрослое сознание посылало в тело четкие команды: «поднять ногу, перенести вес, мягко приземлиться на пятку». А тело, эта неуклюжая тряпичная кукла, отвечало полной анархией. Нога дергалась как попало, корпус заваливался в непредсказуемую сторону, а вместо мягкого шага раздавался глухой топот или, того хуже, шлепок о землю всей плашмя. Расстояние до предмета я оценивал с ошибкой в добрый локоть, а сила хвата либо была смехотворно слабой, либо зашкаливающей, заставляя чашку вылетать из рук, как из катапульти.

Это было невыносимо. Сидеть сложа руки — значило те-

рять драгоценное время. Но и вызывать подозрения у взрослых трехлетним младенцем, демонстрирующим осознанные гимнастические упражнения, было себе дороже. Ответ, как часто бывает, лежал на поверхности. Игра.

— Иблай, — позвал я брата, сидевшего и усердно пытавшегося завязать узел на куске старой веревки. — Пази юда!

Он подполз ко мне, оставив свои попытки. Я взял обломанную щепку, оставшуюся от вчерашних дров, и с нарочитой серьезностью нарисовал на утрамбованной земле первый неровный круг.

— Это кóська, — объявил я, с трудом выговаривая слово «кочка».

Иолай кивнул, его взгляд загорелся любопытством.

— А вот еще кóська. И еще. И там, босая, — я старательно выводил круги разного размера и на разном расстоянии друг от друга, пока небольшой участок двора не стал напоминать абстрактную карту. — Это — бóлос. Ужасный. Там живет... тюдоисе.

— Чудосисе? — с благоговейным ужасом переспросил Иолай.

— Тюдоисе, — согласился я. — Ыдйа. Её нада убить. Но сьтоб до неё дойти, нузя пйыгать по коскам. Есьи свайся — утонесь! Пф-ф-ф! Пузыйи! Идёс?

Он закивал с такой силой, что я испугался, как бы он голову не оторвал. Энтузиазма было хоть отбавляй. Проблема была в исполнении.

Первый же «прыжок» больше походил на падение вперед с криком. Иолай, с азартом разбежавшись, просто не смог оттолкнуться, шлепнулся животом на первую же «кочку» и сбил с нее всю «грязь» — то есть прочерченные границы. Мой собственный прыжок был чуть более техничным, но не менее плачевным. Я рассчитал дистанцию по-взрослому, но мышцы ног не обладали нужной силой. Вместо легкого прыжка получился неуклюжий подскок, и я приземлился пяткой прямо на линию круга, едва не подвернув голеностоп.

— Утёп, — мрачно констатировал я, развалившись на земле.

— И я утёп! — весело согласился Иолай, катаясь рядом, как будто это и была цель игры.

Так мы и «тонули» день за днем. Наша «Гидра» — старый, с отбитым краем глиняный горшок, водруженный на палку, — терпеливо ждала своих победителей в условленном конце «болота». Мы тайком утащили его с кухни, и теперь главной стратегической задачей между тренировками стало не дать кухарке его обнаружить.

Прогресс был мучительно медленным. Ноги не слушались, чувство равновесия подводило. Мы то и дело падали, царапали колени и ладони, но поднимались и пытались снова. Иолай, с его детской непосредственностью, относился к падениям как к части веселья. Я же каждый раз кусал губы от досады, внутренне ругая это непослушное тело.

Лишь к концу второго месяца наших ежедневных «заплы-

вов» что-то наконец щелкнуло. Мышцы окрепли, мозг начал выстраивать нужные связи. Мы уже не падали, а именно прыгали — сперва на ближние «кочки», потом, с замиранием сердца, на те, что подальше. Слабый, но отчетливый контроль над телом начал возвращаться. Мы даже устроили первое успешное «сражение», одновременно навалившись на палку и повалив «Гидру» на землю с победным криком.

Нашей радости не было предела. Но и она оказалась недолгой.

В одно прекрасное утро мы вышли во двор и обнаружили на привычном месте лишь голую палку, торчащую из земли. От горшка не осталось и следа.

С кухни доносилось довольное бормотание кухарки и звонкое шорканье песком о глину. Она нашла свою пропажу и с энтузиазмом отчищала его.

Я взглянул на Июлая. Он смотрел на пустую палку с комическим разочарованием, его нижняя губа уже начала предательски трястись.

— Ну сто з, — вздохнул я, кладя ему руку на плечо. — Ыдйа повейзена. Сйавься, гейоиня богойавная!

Июлай хмыкнул, смахнул непослушную слезинку и ткнул ногой в ближайшую «кочку».

— Тепель новая чудосися? — спросил он с надеждой.

Я оглядел двор в поисках вдохновения. Взгляд упал на кучу старых, отпиленных сучьев.

— Новая, — твердо пообещал я. — И стйасная. Но нада

быстѣа бегась. Догоняй!

И мы побежали, два маленьких, неуклюжих героя, тренирующих свои тела для будущих подвигов, пока с кухни доносилось победное бормотание богоравной героини.

Слова наконец-то начали слушаться. Губы, язык, дыхание — все складывалось в почти чистую, звонкую речь на местном наречии. Секрет был прост до безобразия: скороговорки. Не те, древние, а мои, родные, русские.

Я не учил Июлая целенаправленно. Просто бормотал их себе под нос, отрабатывая артикуляцию. А он, как попугай-невидимка, подслушивал и повторял. Забавнее всего было наблюдать за лицами слуг. Они замирали с тряпками или кувшинами в руках, провожая взглядом мчащегося по двору Июлая, который на полной скорости выкрикивал: «Фла Са-са по сасе!» или «Сяпйя тяхла, сяпйа сохйа, сяпйя сдохйа!» Для них это было чистой воды детский лепет. Бессмысленный и забавный.

А для нас это медленно, но верно становилось чем-то большим. Нашим шифром. Тайным языком, который здесь, в этом мире бронзового века, не расшифровал бы никто. Зародышем свободы. Ведь, даже если поймать какого-нибудь праславянина, то его язык будет очень далёк от моего русского.

Скоро нас, может, станут выпускать за ворота. И мы сможем обсуждать что угодно — хоть планы по завоеванию ми-

ра — прямо на рыночной площади, не боясь быть понятыми. Для меня же в этом трескучем наборе звуков была живительная отдушина — слабое, но родное эхо из прошлой жизни.

Иолай пока не спрашивал, откуда берутся эти странные, быстрые фразы. Он просто впитывал их, как губка. И в его доверчивых глазах я читал лишь радость от новой игры. Спасибо тебе, братюня, за эту слепую веру.

Смотреть, как песчинки времени утекают сквозь пальцы, занимаясь лишь бессмысленной беготней и возней, было для меня формой тихой пытки. Каждый прожитый день без прогресса казался преступлением против будущего. Поэтому я объявил войну бесполезному веселью. Моей тайной доктриной стал принцип: каждая игра должна иметь скрытую цель.

Я стал архитектором наших развлечений, мастерски маскируя тренировки под забавы. Детское тело было странным, почти обманчивым сосудом. Оно сдавалось там, где я ожидал выносливости, — не могло долго таскать что-то тяжелое. Зато поражало там, где я готов был к слабости — было гибким, как лоза, и способным на десятки безостановочных кругов по двору, после которых я, дух захватывая, валился на землю, а Иолай, смеясь, требовал еще.

Силу я пока строго табуировал. Мышечная память взрослого человека была коварной штукой: она могла заставить детское тело совершить рывок, на который его неготовые связки и хрупкие кости просто не были рассчитаны. Одно

неловкое движение — и вместо героя получается инвалид. Нет, сила подождет.

Наш упор был на другое: на ловкость, гибкость, выносливость и скорость. Я перекраивал мифы, которые еще не стали мифами, в наши повседневные квесты:

«Лапки-тяпки». Один из нас был львом немейским, неподвижно сидящим на камне и лишь рычащим, когда другой пытался легонько шлепнуть его по вытянутым вперед «лапам»-ладоням. Задача — быть проворным, чтобы коснуться и отскочить, не получив ответного шлепка.

Погоня за златорогой ланью Артемиды, была, по сути, пятнашками. Тот, кто был ланью, должен был не просто бегать, а петлять, резко менять направление, тренируя не только ноги, но и вестибулярный аппарат преследователя.

Похищением золотых яблок из сада Гесперид я обозвал прятки. Яблоками служили подобранные нами гладкие камешки или желтые листья. Их нужно было незаметно для «дракона Ладона», которого по очереди изображал то один, то другой, вынести из «сада» — определенного угла двора.

Ну и наша коронная забава — «Охота на стимфалийских птиц». Целью служил старый, обглоданный собакой мосол. Соседский пес когда-то зарыл его под нашим забором. Логика моя и Июлая была железной: раз забор наш, значит, и сокровище под ним — тоже наше! Мы бросали в кость мелкие камушки и короткие палки, соревнуясь в меткости. Звонкий «тюк!» о высохшую кость был для нас слаще любой музыки.

Именно в пылу такой «охоты» мы и натворили дел. Палок, особо, взять было неоткуда, и, по этой причине, мы использовали запас палок из ближайшей поленницы. Обычно, мы успевали сложить их обратно. Обычно... Кухарка появилась внезапно и узрела быстро убывающую поленницу. Гремящая медь крыльев стимфалийских птиц показалась нам райской музыкой по сравнению с её криком. Так, наверное, кричат гарпии

— Чтобы через пять минут всё было сложено! Лучше, чем было!

Последствия были быстрыми, унижительными и очень жгучими. Потом, потирая ощутимо горящие зады, мы молча и покорно складывали дрова обратно. В голове у меня кипел праведный гнев. Это же была несправедливость! Мы ведь обязательно всё бы убрали сами, после игры! Кто же знал, что этим дровам суждено было спасти обед от срыва «вотпрямшаз»?

Иолай, всхлипывая, подтащил очередную палку

— Это... нечесно, — пробормотал он, и в его голосе впервые прозвучала не детская обида, а взрослое чувство несправедливости.

— Абсолютно, — фыркнул я, втискивая очередную деревяшку в шаткую конструкцию. — У них тут своих законов нет. Слушай, запомни раз и навсегда: бить будущих, богоравных героев по голой попе — это военное преступление. Когда-нибудь герои договорятся и такую конвенцию подпи-

шут про это. Женевская, кажется. Вот!

Он перестал всхлипывать и уставился на меня широкими, еще влажными глазами.

— Жене... что?

— Ничего. Просто знай, что мы были правы. А теперь давай быстрее, а то эта «гарпия» вернется и устроит нам вторую, вернее, первую битву при Фермопилах прямо здесь.

Он не понял половины слов, но твердая уверенность в моем голосе сработала лучше любой мази. Мы закончили уборку, получив кроме болезненного урока еще и ценный опыт — как правильно складывать поленницу, чтобы она не падала от одного неловкого взгляда. Каждая игра, даже такая, учила нас чему-то. Пусть даже и дорогой ценой.

Мысли крутились в голове, как камни в праще, прежде чем выпустить их в цель. Целью сейчас было решение: просить или не просить взрослых научить нас грамоте и счёту. Желание было острым, почти физическим — как зуд от заживающей раны. Без знаний мы оставались бы просто двумя шустрými щенками, пусть и сыновьями лавагета. Но щенками.

Проблема была в том, что знания, которые хранились у меня в голове, были... неправильными. Вернее, правильными для другого времени. Я смутно помнил, что алфавит, которым пользовались здесь и сейчас, — это не та плавная, знакомая каждому школьнику последовательность «альфа-бе-

та-гамма». Он был грубее, угловатее, в нём быть знаки, которые позже исчезнут, а привычных — не хватало. Это всё равно что пытаться читать, глядя в кривое бронзовое зеркало: образ узнаваем, но все черты искажены и смазаны.

С цифрами — ещё веселее. Аттическая система, если она уже была в ходу, напоминала мне римскую, только ещё менее удобную. Палочки, галочки, сочетания первых букв числительных. Непозиционная. То есть ценность знака не зависела от его места. Попробуй-ка в уме перемножить «П» (пять) на «Δ» (десять), когда у тебя нет таблицы умножения, записанной удобными арабскими цифрами. Головная боль бронзового века.

Я слонялся по комнате, заложив руки за спину, чем вызывал умилённые взгляды служанок. «Смотри-ка, вырядился в маленького Амфитриона!» А я ломал голову над дилеммой. Можно было попробовать внедрить что-то своё. Гениальную десятичную позиционную систему, чтобы потом все эллины пели тебе дифирамбы. Но как объяснить трёхлетнему Иолаю, а через него — взрослым, откуда в моей голове взялся этот стройный, совершенный инструмент? Нет, это путь параноика и изгоя. Проще и безопаснее учиться тому, что уже есть, и потихоньку, исподволь, вносить улучшения. Как капля, точащая камень. Но для этого надо было увидеть сам «камень» воочию. А я не видел.

Рядом Иолай усердно строил башню из камушков. Он уже ловко оперировал понятиями «больше» и «меньше», «вы-

ше» и «ниже».

— Брат, — позвал я, садясь на циновку напротив него. — Сколько камушков?

Он внимательно посмотрел на свою неустойчивую конструкцию, потом на меня.

— Много, — авторитетно заявил он.

— «Много» — не счёт, — отрезал я. — Слушай и повтори. Эна.

— Эна, — без запинки повторил он, ткнув пальцем в верхний камушек.

— Дио.

— Дио! — он указал на второй.

Мы дошли до десяти. Он схватывал на лету. Его детский мозг, не замусоренный сложными системами, впитывал простые названия чисел как имена новых друзей. Это стало нашей новой тайной игрой. Мы считали всё: ступеньки на пороге (их было три), чаши на столе (пять), воробьёв на ветке оливы (то два, то сразу никто, когда они вспархивали).

Чтобы добавить азарта, я ввёл правило. Кто ошибётся в числе — получает щелбан. Легкий, символический. Иолай встретил это правило с восторгом. Для него это была высшая математика, замешанная на чистом спортивном интересе.

И вот настал его звёздный час. Мы считали пчёл (с безопасного расстояния), и я, автоматически, по старой памяти из другой жизни, ляпнул:

— ...пента, екси, септа...

Я тут же понял, что облажался. Но было поздно. Иолай замер, а потом его лицо озарилось торжеством чистого, незамутнённого злорадства.

— Эпта! — возопил он, словно поймав меня на краже амброзии. — Эпта, брат! Не септа! Щелбан! Третий!

Он подбежал ко мне, его глаза сияли. Для него это была не ошибка, а великая победа. Он методично, с чувством глубокого удовлетворения, нанёс мне третий за сегодня щелбан по лбу. Не больно. Но обидно.

— Да-да, герой, эпта, — буркнул я, потирая лоб. — Септа — это там, в Вестеросе... Ох, проехали.

Я смотрел, как он скачет по комнате, празднуя свою тактическую победу над братом, и чувствовал странную смесь досады и нежности. Досады — потому что «Игру престолов» я теперь ненавижу всеми фибрами души, из-за неё я теряю лицо перед трёхлетним ребёнком. А нежности — потому что в его радости не было злобы. Только азарт. И в этом азарте, в этом повторении «ена, дио, триа...» по любому поводу, ковался фундамент. Фундамент для будущих знаний.

Я подожду с алфавитом, решил я, глядя на его скачущую фигурку. Пусть сначала числа от одного до ста отскакивают от зубов, как горох от стены. Пусть он полюбит сам процесс. А там... там видно будет. Может, и правда, стоит попросить отца показать, как он ведёт учёт овец или меряет землю. Под видом детского любопытства. Всё начинается с малого. Даже великая математика — с щелбанов за «септу» вместо «эп-

ТЫ».

Три года. Целая веха. На двоих, как с гордостью думал я, целых шесть — возраст почтенный и обязывающий. Главным нашим совместным достижением, помимо умения не падать с бега, стал счёт. Под моим чутким, почти педагогическим руководством, Иолай уверенно оперировал числами до двадцати. Он мог пересчитать овец в загоне, правда, результат получался приблизительный, потому что они не стояли смиренно, кувшины на полке и даже звёзды на вечернем небе, пока их не становилось слишком много.

Я ходил, напыжившись от гордости, словно индюк — птица, которую здесь не видели и не увидят ещё добрую тысячу лет. Мысленно я вручил себе орден имени великого педагога. Макаренко. Получилось неплохо и торжественно. Продуел в голове какой-то бравурный марш, устроил себе оvation, тоже мысленно.

И вот однажды это наше «неплохо» получило огласку. Амфитрион, наш отец и лавагет, устраивал пир для соседских вождей и друзей. В гинекее, где мы с матерью и служанками слушали отголоски веселья — звон чаш, мужской гул, взрывы смеха — отец, видимо, разгорячённый вином и гордостью, пустился хвастать своими наследниками. Не силой (мы были ещё малы для демонстрации мышц), а умом. Конкретно — умением считать.

Гости, как водится, выразили сомнения. «Трёхлетки? Да

они и трёх слов связать не могут!» Чтобы развеять сомнения, за нами прислали.

Это был момент. В доме уважаемых людей пространство чётко делится на мужскую и женскую половины. Мегарон — царство дыма очага, запаха мяса, вина, кожи и мужских разговоров. Гинекей — мир ткацких станков, пряных трав, тихих бесед и женщин. Мальчикам до семи лет путь в мегарон заказан. Если позвали — это высокая честь, событие, о котором потом будут рассказывать другим мальчишкам. Правда, рассказывать нам было пока некому — за пределы нашего двора нас ещё не выпускали.

Нас привели. Я чувствовал, как Иолай нервно сжимает мою руку. Большая, сумрачная зала, освещённая огнём очага и факелами. Десятки глаз, блестящих от вина и любопытства, уставились на нас. Запах жареного баранины, кожи и чего-то ещё, мужественного и чужого.

Началось с простого. «Сколько будет, если к трём овцам добавить двух?» Иолай, краснея, но твёрдо, выдал: «Пять!» Раздались одобрительные возгласы. Потом вопросы усложнились, но мы справлялись. Цифры были нашим островком уверенности в этом море взрослых людей.

И тут один из гостей, широкоплечий детина с лицом, обветренным в походах, громко, чтобы все слышали, заявил: — И что с того? Ловко, не спорю. Но настоящему воину, герою, вся эта... премудрость зачем? Копьё в руках держать да щит ставить — вот наука!

Тишина повисла на миг. Взгляды снова устремились на нас. И я, движимый смесью азарта, досады и чёртова озорства, которое только и ждёт повода вырваться из трёхлетнего тела, открыл рот:

— Ответствуй тогда, герой богоравный, — мой голосок прозвучал дико чисто в наступившей тишине. — Сколь перелапал ты сисек, коль восемь рабынь ты купил, но одна амазонка из них?

Сначала была абсолютная тишина. Та самая, когда слышно, как трещит полено в очаге. Все эти бородатые, закалённые в боях мужчины смотрели на меня с одинаковым выражением полного, абсолютного недоумения. Такой вопрос... от трёхлетнего птенца? В нём была и дерзость, и житейская, солдатская расчетливость, и дикая неожиданность.

А потом грянул гром. Не гром — хохот. Он прокатился волной, сшибал с ног. Кто-то ударил кулаком по столу, опрокинув кувшин. Тот самый скептик, сидевший с полным ртом вина, закашлялся, фыркая и разбрызгивая тёмные капли, а стоявшие рядом хлопали его по спине, сами давясь от смеха. Все вокруг хохотали, не скрываясь, животным, раскатистым смехом воинов. Один, тучный гость, пытался встать, пошатнулся, сполз с лавки на пол и так, не в силах подняться, пополз на четвереньках к выходу, мота головой и судорожно ловя ртом воздух между приступами ржания. Он не дополз, повалившись на бок и беззвучно трясясь от хохота.

В этой какофонии я понял одну простую вещь: юмор здесь

любили самый что ни на есть непритязательный, солдатский, с душком и расчётом. И я, сам того не зная, только что выстрелил в самую яблочко.

Отец, Амфитрион, утирая слёзы смеха, поднялся и лично, взяв нас за руки, повёл обратно в гинекей. Он долго шептался с Алкменой на пороге, временами срываясь на новый приступ смеха и кивая в нашу сторону. Мать смотрела то на него, то на нас с затаённым любопытством и лёгкой тревогой.

Когда отец, всё ещё ухмыляясь, удалился, мама подозвала нас к себе. Она опустилась перед нами на колени, её красивое лицо было серьёзным.— Мальчики мои, — тихо сказала она. — Зачем вам всё это? Грамота, счёт... Вы же видели. Не все считают это нужным для воина.

Иолай нахмурился, его детское лицо стало неожиданно взрослым и сосредоточенным.

— Наш папака — лавагет, — произнёс он чётко, как заученную истину. — Он решает. От его слов жизнь у людей, или нет. Мы хотим, когда вырастем, решать... правильно. Как он. А для этого... — он искал слово.

— Надо быть не только сильными, — подхватил я, видя его затруднение. — Но и умными. И хитрыми. Чтобы видеть дальше конца своего копья.

Алкмена внимательно смотрела на нас. Я решил добавить аргумент, который, как я знал, будет понятен здесь и сейчас.

— И ещё, — сказал я с наивной, деловой непосредственностью. — Умея хорошо считать, никто не надует нас с на-

шей долей добычи после похода! Никто!

Мать замерла на секунду, а потом рассмеялась. Тихо, звонко, с облегчением и какой-то новой гордостью. Она притянула нас обоих к себе и взлохматила волосы, пахнущие солнцем и дворовой пылью.

— Ах вы, добытчики мои, — прошептала она, смеясь. — Настоящие герои. Идите, идите играть.

Мы выбежали назад во двор, под слепящее солнце. Иолай прыгал от возбуждения.

— Слышал, брат? Они смеялись! Папака нас похвалил!

— Слышал, — ухмыльнулся я, чувствуя, как камень сомнений свалился с души. Мы получили негласное разрешение. Теперь можно было учиться не таясь. И первый бой — битва за знания — был нами выигран. Пусть и с помощью грубого солдатского юмора.

Так, помаленьку, день за днём, мы и выросли. Ум наш обростал новыми знаниями, как виноградная лоза — новыми побегами, а тело потихоньку наливалось силой, ещё хрупкой, но уже ощутимой. Наша жизнь была чётко поделена на санкционированные взрослыми занятия и тайные тренировки, которые я упрямо называл «играми».

Правда, одна из наших первых «тренировочных баз» пала. Тот самый, выкопанный у забора, бесценный мосол, служивший мишенью для «стимфалийских птиц», не выдержал интенсивного обстрела. В один прекрасный день метко бро-

шенный камень расколол его на несколько острых, бесполезных осколков. Иолай смотрел на останки нашего «чудо-вища» с трагическим недоумением, словно хоронил старого боевого товарища.

Но на смену утрате пришла новая возможность. Амфирион, которому мы, видимо, всё больше нравились своей бойкой сообразительностью (или он просто устал от наших вечных поисков «чего бы покидать»), раздобыл нам глины. Целую большую корзину жирной, прохладной, податливой массы, принесённую с речного берега.

Так началась новая эра. Мы лепили из неё мишени. Простые шары, приплюснутые лепёшки, неуклюжие пирамидки. Сушили их на солнце, пока они не становились твердыми и звонкими. Теперь у нас был неиссякаемый запас целей для метания. Главное правило, выстраданное после истории с пленницей, было железным: после стрельбища — тщательно подмести «поле боя». Мы бегали босиком, и наши подошвы, хоть и покрытые уже приличным слоем загрубевшей кожи, всё равно были детскими. Остроугольный осколок высохшей глины, вонзившийся в пятку, — это вам не акупунктура по желанию, а прямая дорога к воспалению, а то и к чему похуже. Мысль о столбняке в этом мире, где о существовании бактерий не подозревали, а лечили травами и заговорами, заставляла меня быть педантично-чистоплотным. «Таки оно мне надо», — мысленно вздыхал я, подражая интонациям великого разведчика из далёкого-далёкого

будущего.

Глина открыла и другую дверь. В перерывах между метаением камней, беготнёй в пятнашки и прочими «подвигowymi» играми я начал экспериментировать. Всплыли обрывки памяти: видео о старых китайских мастерах, которые без всякого гончарного круга, одними пальцами и простыми инструментами, создавали из глины изящные чайники и чаши. Меня, конечно, интересовало не изящество, а полезность.

Я пытался слепить хоть что-то, кроме шарика. Глубокую миску, чтобы пить воду, не обливаясь. Прямоугольную плитку, на которой можно было бы углём что-то чертить. Простую свистульку, чтобы подавать сигналы. Получалось, прямо скажем, не очень. То стенка получалась разной толщины и чаша разваливалась при сушке, то свистулька не свистела, а только булькала жалобно. Мои руки, уже неплохо управлявшиеся с палкой-копьём, отказывались понимать тонкую работу с пластичным материалом.

Зато в другом мы с Иолаем достигали потрясающих успехов — в умении учумазиться, выпачкаться в глине с головы до пят так, словно мы не лепили, а боролись с самим болотным чудовищем. После наших «творческих сеансов» нас надо было не отмывать, а отскрести. И эта часть программы выполнялась нами безукоризненно.

Иолай, видя мои мучения с глиняными поделками, не оставался в стороне. Сперва он просто копировал мои неуклюжие попытки, лепя бесформенные комки. Но потом, с дет-

ской непосредственностью, нашёл своё призвание. Он стал лепить «зверей». Его львы были похожи на собак с опухшими мордами, птицы — на комки с двумя отпечатками пальцев вместо глаз, а однажды он с гордостью презентовал мне нечто длинное, с рядом бугорков на спине.

— Гидра! — объявил он. Это было удивительно похоже. Уродливо, примитивно, но дух нашего старого горшка-врага был уловлен.

Отмывали нас, конечно, с пристрастием. Тёплой водой из кувшинов, грубыми полотняными тряпицами, под воркотню и щипки служанок. Попа после такой процедуры частенько знала, что такое родительская, вернее, обслуживающая длань. Но это был почти ритуал. Наказание за творческий беспорядок.

Июлай, потирая место воспитательного воздействия, однажды философски изрёк:

— Блат за блата.

Я поперхнулся. Он имел в виду «брат за брата». С его лёгкой руки это превратилось в нашу новую поговорку. Фраза «Не тот брат, кто брат, а тот, кто брат!», подхваченная им с моих слов, стала нашим боевым кличем в любой совместной аванюре. Мы выкрикивали её, бросаясь в погоню друг за другом, или перед тем, как вместе навалиться на какое-нибудь дворовое дело. «Ауф!» — добавлял я для солидности, и нам казалось, что мы непобедимы.

Так и жили. День за днём. Месили глину, метали камни,

бегали до изнеможения и снова месили глину. Иногда получались кривые, но собственные чашки. Иногда — звонкие щелбаны за ошибки в счёте. Иногда — заслуженные шлепки за грязь. Мы набирались не только ума-разума, но и той самой, житейской, прикладной смекалки и сноровки, которые не прописаны ни в одном героическом эпосе. И пусть наши ноги были в земле, а руки в глине — головы-то наши уже мечтали о подвигах. Или, на худой конец, о том, как бы слепить что-нибудь этакое, что не развалится при первой же попытке этим воспользоваться.

Глава 3 Маленьких обижают!

Наглый солне

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.